

УДК 39
Т 65

Издание и авторская работа выполнены
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты № 08-01-00497а; № 12-01-16023д),
а также Правительства и Министерства искусства
и культурной политики Ульяновской области

Ответственные редакторы
доктор исторических наук И.А. Морозов,
доктор филологических наук М.П. Чередникова

Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодialectный словарь. Том 1 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафонов, М.П. Чередникова и др. — М.: «Индрик», 2012. — 656 с., ил., карты.

ISBN 978-5-91674-215-2

В Этнодialectном словаре Ульяновского Присурья представлены традиционные формы культуры в их взаимосвязи с экономическими и социально-культурными процессами XX — начала XXI века. Описание календарных и семейных праздников и обрядов, бытовых и праздничных форм поведения, наиболее важных персон и персонажей местного фольклора, а также употребительных типов фольклорных текстов сделано в форме словаря и основано на материалах полевых исследований авторов.

Корпус Словаря предваряется Вводными очерками, посвященными анализу генезиса культурных форм, представленных в корпусе Словаря, для чего привлекаются сравнительные материалы из других регионов Центральной России, Русского Севера и Поволжья, а также архивные источники XIX века. Выводы авторов вводных очерков подкрепляются анализом локальных особенностей культуры в их взаимосвязи с историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями.

Издание предназначено для специалистов по этнографии и фольклору, а также для широкого круга читателей, интересующихся этой проблематикой.

ISBN 978-5-91674-215-2

© Коллектив авторов, текст,
илюстрации, 2012
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2012

ДОМОВОЙ

Домовой (*дедушка-доброходушка* — с. Ждамирово, Шеевцино, Сухой Карсун, *домоведушка, хозяин* — с. Б. Шуватово, Сухой Карсун, *брододедушка* — с. Полянки, *шутушка-батюшка* — с. Б. Шуватово), согласно распространенным в Ульяновском Присурье поверьям и мифологическим рассказам, определяется как хозяин и покровитель домашнего хозяйства, неприменимый обитатель каждого дома.

Об облике домового сообщается далеко не всегда (см. еще Уж). Нередко рассказывается, что хозяин «невидимый» (т.е. внешность дедушки не описывается). В тех текстах, в которых говорится о внешних чертах домового, чаще всего повторяются следующие признаки: небольшой рост, пухлость, юсматость (мохнатый, «в шерсти»). «Вот чувствую, что мне дышать нечим: вроди рука кака-та, как кошка, мохната. Я будто яво [=домового] бью-бью-бью. Потом: “Госпади!” — скажишь и — всё пропадайт» [ЕЛА, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-14]. «Замучил миня тут “дедушка”: лезит. <...> А вот пирид мордый вот прям шерстью, он, грит, в шерсти такой, вот прям пирид мордый шерстью прям, вот так вот» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-30]. «Вот, ну, небольшого роста [человечек] <...> Это хозяин, домовой. <...> Малинький такой — волысы на нём вот так — длины, вроди волысы на нём» [ЛЛП, с. Вальдиватское; СЕВ Ф2005-4].

В некоторых рассказах помимо упомянутых черт особое внимание обращается на характерную одежду домового. Описание в таких текстах отличается высокой степенью детализации и сходно со свидетельским показанием. «А я вот дивчинкой была, а у нас мама всягда сторожим работала, и я всягда адна была. И вот што-то на миня какой-та страх напал, и мне кажицца: ма, кто-та вроди ходит у нас, кто-та вроди ходит у нас, — и как вроди бы пад стол. Я заглинула пад стол, и пыд сталом вот малинький чиловечик вот такой в шапычки, в штанишках и прям так и бридёт, и бридёт, и я из дому — раз и убяжала. Чёй-та мне вот была — новожденье или чиво — ни знай... И вот я маме рассказываю: вот такои-такои дела, и я убяжала к ней, ана ведь магазин сторожила, прям убяжала к ней и ей рассказываю. Ана гаварит: “Да эта жи дамавой! Эта жи дамавой” — ана мне гаварит, вот эта вот я запомнила. А чё эта была, я сама ни знаю... Малинький, такой малинький, пухлинький какой-та, и бародка тут вот у няво. Вот кака-та шапычка на ним была, и штанишки, вот помню, — штанишки, а тут вот [=на туловище], — я ни знаю, чаво. В общем, как калабочик, вот эдакий маленький. И пиридвигаицца, я прям вижу, пиридвигаицца пыд сталом...» [ГАА, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-2].

О местопребывании хозяина рассказывается также не всегда. В некоторых вариантах быличек и поверий домовой различным образом проявляет себя в таких местах, как печь (и пространство рядом с ней), угольник (стонет под иконами), подпол, хлев, двор и баня. Это отчасти позволяет говорить об

объединении в образе домового функций хлевника, баенника и подобных персонажей. «Раньши в каждом даму — угольничик, ну, там лампадычка, чё... Иконка стаит, ну, угольник в каждом доми был. И он пад этим угольникам, выходит дамавой — стонит. И спрашивают: “Дедушка, ты к дабру или к худу ли?” Он скажет: “К ху-уду!” — там или: “К дабру!” [ЕЛА, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-14]. «Я парюсь, я любила парицца: очинь долга в бани моюсь па четыри часа, раньши по три раза, нисматря што парок сердца да так работыла, вот так вот... Ну, вота: “У-у, у-у...”, — вот так: “У-у”. Я на полки слышу эта, а эта в пириданники, канешна, за дверью <...> Да, [домовой] при日报社ал, вот [смерть родственницы]» [ПАИ, с. Сара; СЕВ Ф2006-5].

Рассказы о личной встрече с дедушкой обычно содержат два-три основных мотивных блока, связанных с взаимонаправленными действиями домового и человека.

Домовой по отношению к человеку (и связанному с ним ближайшему окружению) может выступать как благодетель, способствующий росту хозяйствства, ухаживающий и приглядывающий за скотиной. «Вот я будта ва сне: вышла будта на двор, а он стаит — батюшка дамавой, батюшка дамавой... Стait, карову кормит. <...> Ну, я тожи ни знала, а патом стала я рассказывать, — старухи-ти были: “Эта, — грит, — батюшка дамавой, он кормит каровку”» [БВЕ, с. Б. Шуватово; СЕВ Ф2003-34].

Об этой же функции хозяина сообщается в поверьях. «Чай, гаварят, дамавой какой-та живёт в каждом даму, в каждом, слышь, даму должен он жить, а если ни будет жить — дома ни будет, сгарит или чаво» [ПМД, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-7]; «Ну, он, в общим, как хазянин за всем, наверна, слизит» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-13]; «Домовой, ну, быват домовой, наверна, в каждом дому, што ли, он, домовой, быват, я ни знаю. <...> Он ласковый... Если вон у ково лошадка вон, он там, слышь, и росчёсывает, и кусо заплитёт» [ЗЕВ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-9].

В рассказах, в которых описываются положительные действия домового, обычно не сообщается о каких-либо ответных действиях человека. Гораздо чаще (судя по имеющемуся материалу) рассказывается о более негативном поведении «дедушки». Например, он может тем или иным способом вредить человеку и скотине (душит, давит, щипает, бьет). «У нас вот была здесь, вот мы пришли сюды, у нас корову больно мучал [домовой]. Вот утрам всташь: она прям вся купана, как словна на ней дождик был» [ДЛС, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-8]. «И вот што-та я с вечира никак ни сплю и мамки гаварю (каплюшка гарит на печки-ти), гаварю: “Мамк, вот ищё какии-та дедушки-дамавы есть...” — видишь, какая мысль детска была. И вот я когда лягла спать — и сразу это... по мне, как кошка, вот идёт и начал миня душить. И я кричу: “А! А!” — да, голосу нет. А патом когда он миня тряпать приистал, я глаза открыла, а он вот где приступа будта вот так подымайца — касма-ата галава. Вот и всё — эта дедушка дамавой...» [НЕС, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18]. «Этыг самый вот дамавой есть, — каво

он ни любит, он, гаварит, абщипает. Чилавек бывает в этих, в синих пятнах, да» [ГАС, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18].

Иногда домовой пугает домочадцев (особенно детей), показываясь им, издавая стоны или «озоря» различными способами. «Я куплю писку, насыплю в сахарницу. Утром встаю — иё нету. Дедушка-домовой выпил! — вот... Куплю таблетык — дедушка-домовой у миня их все выпивает. Ни поспею покупать!» [КРГ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-7]. «Домовой есть, есть — эта у нас, у миня в детстве была. У нас вот на этом месте у тёти Анюты каминный дом стоял, у нас большая печка русска была. И вот мы там с падружкой сидим, <...> тилёнык привязанный был, тилёнык сразу мётнулся, а мы из-за печки сразу: “Чаво там такое есть?” — выглинули — и вот этот манинький чилавечик [=домовой], так мы с печки с ней лители [=убежали, испугавшись], до самава иё дома лители. <...> Вот эта я помню, как мы с ней напугались» [ПЛП, с. Вальдиватское; СЕВ Ф2005-4].

Такие действия домового могут не мотивироваться (как в приведенных выше примерах). Однако в некоторых рассказах негативное поведение «дедушки» по отношению к человеку и его домашнему окружению объясняется конкретными нарушениями.

Например, если при переезде не были соблюдены определенные правила (забыли позвать или не приветили батюшку), то в доме может появиться чужой домовой, который и совершает различные бесчинства (см. *Новослелье*). «Вот мы жили на Капкази [=название местной улицы] <...> и пришли в другую избу, а дедушку-ту ни позвали, вот. Пришли, а там дедушка свой [=чужой]. И вот утрам встаним — корова мокра, лошидь мокра. Один раз пришли — лошидь-та вверх ногами в колоде, вот это дедушка-домовой их мучит» [САП, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-11].

Отметим, что негативные действия домового могут уже служить сигналом того, что дедушка — не свой. «Дедушка домовой. <...> Это знаишь чаво, ну, этат, — и людей-ти, но бальшинство он мучил скотину, у нас лично дажи вот этыт — тилёнок. Выдим: мокрый, знаишь, какой мокрый, вот как роса всё на нём вот эдыким да капли, — он [домовой] иво тиготит, мучит, а он вспативает и всё это. <...> Если чужой дедушка — мучит» [ГВН, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-6].

Домовой может наказывать за нарушение и других традиционных правил. Например, если человек излишне тоскует по умершему или занимает аедушкино место в избе, он рискует навлечь на себя беду. «Вот са мной с самой вот было [душил домовой]. Вот я адин раз пришла, и што-та мне так вот... Я развалнавалысь и паплакыла, вот па сваей па [умершей] систре па сваей. Паплакала и лягла я на печку. Или я на сердце навалилась, или чаво, и вот мне, вот на миня вот кто-та вот прям наваливаицца, душит миня, аушит, душит. Я: “О, Госпади, памилуй, Госпади, памилуй!” И я никак ни сталкну. Ну а патом всё-таки я сталкнула: “Госпади, памилуй! Госпади, памилуй!”» [ГАС, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18].

Запрет занимать место домового иногда выражается в форме своеобразных детских «пугалок» (см. *Пугатъ*). «На печки он живёт, домовой-то этыт. Я до смерти боюсь — вот бы я лёгла на печь: спать иногда зимой ходына, а иё истопишишь, вот бы лечь на печь. И вот тоже миня мамка, нас эта напугала: по малу-то, малинькии-та были, ну, боицца, што кабы с печи ни

Крестьянская печь в Музее гончарного промысла. С. Сухой Карсун. 2008 г.
Фото М.Г. Матлина

упали, она: “Вас там домовой-та!” Привычка: “Ни лазийти: он вас там домовой-та!” Ну, и вот, и до сих пор это я боюсь. И вот... он ково он защищочит, ково-та щикочит. Ково-та душить может. Он в каждом доме, этыт домовой живёт” [ГКМ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-5].

Такие часто упоминаемые действия домового, как удушение человека (наваливается во сне, придавливает чем-то тяжелым) или стон (домовой ухает, вздыхает, фырчит), могут означать предвестие определенных событий. Подобные тексты включают в себя описание действий дедушки и рассказ (упоминание) о сбывающемся событии. «Вот са мной вот была: мужик [=муж] у меня сабрался умирать, в воскресенье эта было. Я вышла пашть карову. <...> Вот я паняслася ведро — вылила и слышу: старый голос станант, два раза. Я захажу — ишё наливаю, ишё вынясла, — ишё два раза прастанал. Думаю: “Дай я третий раз налью”. В третий раз налила — всё. Вышла я на двор (у миня гуси, куры были), думаю: “Кто жи эта станал? Кто жи эта станал?” Думаю: “Гуси или куры?” Вот. А патом вот тожи среди нас вот эдак

рассказала: “Эта, — грит, — выживал хозяина из дома, дедушка дамавой” [НЕС, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18]. «Ну, гаварят, дамавой есть, а вот я вот ни разу ни видала. Ну, как-та вот слыхала адин раз, в том даму жили мы. Ну, наверна, эта к пажару — мы старели тагда. Вот в пиредним углу, там в подвали чё-то: “У! У! У!” — станал. А здесь вот [=в новом доме] ни слыхала» [ЯАИ, д. Александровка; СИС Ф2004-09Ульян.].

Рассказы о негативном поведении домового нередко включают в себя описание ответных действий человека. Так, если дедушка мучает скотину, его выгоняют. Способы изгнания достаточно разнообразны. Например, в трех селах Сурского р-на (Ждамирово, Сара и Княжуха) удалось зафиксировать описания пяти способов избавления от озорующего домового, которые отличаются в основном варьированием деталей этого действия.

1. Садятся верхом на кочергу, берут ошкур [=заязку] от штанов (часто — красного цвета), держат его в руках или привязывают к кочерге, на которой сидят; затем с матом выгоняют дедушку из хлева. «Адин раз пришли — лошидь-та вверых нагами в калоди, вот эта дедушка-дамавой их мучит. И вот Нютки Захаравской мать села вирхом на качиргу, матам [=матом] выганяла, ошкур ат штанов и матам-матам, и вот повыгоняла и всё... И матам ругацца, ругацца: “Уходи, уходи, здесь тибе нечива делать!”» [САП, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-11].

Подобные действия совершали и в соседнем с. Княжуха, при этом подчеркивается, что досаждающий скотине домовой — чужой (на это указывает и используемый при изгнании приговор). «Если чужой дамавой заявичца, вот он будет мучить скатину. А утром пайдёшь карову дайть, ана вся вот потна, на ней прям иний быват, зимой асобинна если. Думайшь: “Ну, чужой дамавой прихадил”. Вот яво выганяют из дома: бярут качиргу, садящца вирхом, мужскии штаны бярут и яво гонют: “Свой аставайся дамавой, а чужой — уходи дамой!” Вот выганяют и пасля карова деланицца всё харашо, да, вся харашо: никаких мучениев нет, ни поту, ничаво» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-16].

2. Привязывают тряпку (красную тряпку, ошкур от штанов) на кочергу (помело, метлу) и, ругаясь матом (иногда молятся), выгоняют, бьют по углам двора, хлева, при этом открывают все двери; на кочергу (метлу) верхом не садятся. «Он [=домовой] иво [=телец] тиготит, мучит, а он всплативат и всё это. Чаво — тагда ганяли — мужичий ошкур от штанов и митлой, и Ваня [=муж] вот с матирным словам... И па углам визде!.. Вот ошкур. И на мётлу вот привязывать и этай митлой визде па углам, и матам: “Вот уходи, уходи, ты нам ни нужин, уходи, тудыт тебя пирисюдым, уходи! Ты нам ни нужен, ты над нами зоруиши!” Ну, и этыт — двери, и эту дверь, и на зады дверь, и там аверь — все двери роскрою. Это была у нас лично самих... И всё, и ушёл... И уходит, уходит» [ГВН, ГИФ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-6].

В некоторых рассказах кочерга, метла и т.п. не упоминаются: ошкур или красную тряпку при изгнании держат непосредственно в руках. «Вот ана

[=знакомая] как: брала этыт ашкур и этим ашкурым-та хлыстала и матам ругалась и выганяла. <...> И уходит, уходит. А то карову мучил: утрам встанит, ана вся в race [=росе], вся мокра, ни знай какая. Ага. Па ней прям эта, тичёт как вроди вада — вся шея. Вот ана делыла, мне самой ни приходилась» [БЗИ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-12].

3. Привязывают красную тряпку (ашкур от штанов, бантики, ленты) на скотину (на рога или шею). «Вот мы пришли сюды, у нас [домовой] карову больна мучал. Вот утрам встаёшь: ана прям вся купана, как словна на ней дождик был. И вот красну тряпачку на рага привязываш ей, и с ней всё проходит. Я вот, мне самой приходилась» [ДЛС, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-8]. «Вот он [=теленок]: “А-а-а!!” — што есть духу арёт. А ана [=соседка] грит: “Эта иво дедушка-домовой мучат!” Да гаварит: “Привяжите красный бантик к нёму на шею, и он больши ни будит”. Ну, и правда: мама привязала — и он больши ни кричал» [КРГ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-7].

4. Выгоняют прутом или дубинкой, ругаются матом, открывая все двери. «Эта кто знат чаво. Эта вот на фирме-ти [=ферме] и лошиди, и всё. Вот придут: ну, што ты — лошидь вся в мыле. <...> Вот и всё и гаварили, што вот там кудыта пайдут да кто прутом, кто чем, ну, кто чаво делал, вот» [ГАС, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18]. «[Если домовой мучит лошадь], так саветуют: “Значит — чужой дамавой”. Хазяин бирёт дубинку, открывает двери — и ту, и ту, и ту [показывает рукой на двери во дворе] и с матам иво па углам ганяйт: “Выдь чужой дамавой, у нас свой будит!”» [ГЕВ, с. Сара; СЕВ Ф2000-32].

5. Выгоняют с помощью «знающих». «Есть дамавой мучит, ага, мучит скатину. <...> Вот утрам встаёшь — каровушка вся макрюща-макрюща. <...> К этыму народу к эдакому идти [=знающим]... Да-да, пачитать [чтобы выгнать]» [ААМ, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-16].

Ответные действия человека на негативное поведение домового не всегда носят отрицательный или агрессивный характер. В некоторых рассказах дедушку пытаются умилостивить и договориться о хороших взаимоотношениях. Так, при помощи хорошего угощения удалось «утихомирить» домового в доме, где сами собой открывались краны с водой, пропадали вещи и т.п. Все эти действия приписывались озорству оставшегося на квартире «шутушки». «[Рассказчица говорит дочери:] “Любк, эта у вас шутушка! Кто-нибудь жил — ни взял. Ваш-та [шутушка], ну, ни азаравал”. Ладна. Пирехали в новую квартиру — эдак жи: “Мам, грит, вот нарощна, завирнём, грит, туга, утрам встаним — вада”. Ладна. Гена [=муж дочери] гаварит: “Мам, ишё чуда-та како: стал, грит, я чаво-та шить иголкай и палажил на стол на край стала иголку, аглянулся — нет иголки. Искал-искал-искал, — а, грит, смиёцца, — мам, пришли, ана на этом мести лижит. А мы, грит, все искали”. И многа им приходилась. <...> “Люб, я слыхала, што пакармите яво вкусней”. — “А чем, мам?” — “Ну, чаво: сделый, чай, чаво-нибудь вкуснинькыва, паложь калбаски, там чаво-нибудь, стаканчик чайку и скажи: “Шутушка-батюшка, нá vota, кушай, толька ни хулиган! Ты што

хулиганишь-та у нас? Пагляди-кысь-ка: ты чаво ты над нами делаешь?” Ну, пришли: “Айда, грит, давай, давай, Гена, дельть, чаво мама сказала”. — “Давай”. Ну, с тех пор, грит, эта — бросил. “А щас, — грит, — мы привыкли, што ль, — грит, — встаним...” Стала она гаварить: “Шутушка-батюшка, айда с нами ужинать!” Привыкли уж, грит. “И пиристала, — грит, — вадичка у нас капать. И пиристали, грит, у нас эти працидуры, эта прападать”» [УЗИ, с. Б. Шуватово; ЧМП Ф2003-33].

Определенный комплекс обрядовых действий, адресатом которых является домовой, совершается при переезде в новое жилище (см. *Новоселье*). Дедушку обязательно нужно позвать с собой. Если это не совершается, то на новом месте жизнь может не заладиться (например, может начать дождаться чужой домовой).

В основном действия, связанные с переездом, достаточно просты. Известные нам описания можно условно разделить на те, где есть упоминание о переносе домового (например, в корзине), и те, где об этом не сообщается. В последних обычно говорится о том, что дедушку зовут, при этом используется типичная формула приглашения домового. «Когда, слышь, в другой дом пириизжашь, то говоришь: “Айда, дедушка домовой, с нами!” [Переносили в корзине, в зобне?] Ни знаю, этыва ни приходилось, ни знаю» [ДЛС, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-8]. «[Переезжая в другой дом, говорили:] “Дедушка-дабраходушка, пайдём с нами!” А если кто ни скажит, он, грит, астәцца, знашь, как плачет! Што иво с собой ни взяли, грит, очинь плачет... Абизатильна нада иво пазвать с собой. Проста пазвать: “Айда с нами!” Ты иво ни видишь: проста пазвать...» [ЕНИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-31].

В текстах, в которых сообщается о необходимости перенести домового, эти действия могут производить при помощи лукошка, зобни, кузова, корзины, runa [=ткани, мешковины], какой-либо посуды. «Когда вот уходят, строяща, вот абязательна бирёшь лукошка, бярут лукошка и вот ставят, грят: “Дедушка-дабрадедушка, айда с нами на ново жильё!” И вот он залазит туда, яво ни видят, он залазит, нянут, — тяжило в этой карзинке-то, на ново жильё пиритаскиают» [КМФ, с. Поляники; СЕВ Ф2000-19]. «Когда мы сюды пирихадили (дом пастроили новый), мы аттуда все вещи брали и брали — яво с собой звали: “Дедушка-дамавой, пайдём с нами в ново наше жилище!” — вот, приглашали яво. А вот раньши ехали там примерна куда-та, — из диревни в диревню пириезжали, — яво тоже приглашали: брали старую зобню (вот такие плитёные есть зобни, ну, плитёнки, ну, как типа карзины только бальшие), вот эту зобню ставили нá лошадь, на тиегу и приглашали дедушку дамавого. Если скажут: “Паехали, дед дамавой, с нами” — лошидь с места ни троницца. А скажут: “Пайдём с нами пишком, тебе припасли жилище!” — вот лошидь падает, а он идёт, — там невидима, но идёт, видима, — лошидь пайдёт» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-16].

В некоторых рассказах к домовому обращаются не только на старом месте, но и после того, как придут в новую избу. Благодаря этому описанные действия приобретают более завершенный характер: обряд переезда

начинается в старом жилище, а заканчивается в новом. В отдельных случаях эта тенденция подкрепляется специальными действиями с хлебом: тесто затевается в старой избе, а хлеб пекут в новой. Нередко в описаниях действий, связанных с переездом, также упоминается о необходимости первой пускать в новое жилище кошку — известную «ипостась» домового. «А вот кагда пириходишь, — вот пастроишь дом и заходишь, первый раз заходить, — затяваешь хлеб [в старом доме] в кастрюльку и бирёшь кошку. Первым долгам завёшь: “Шутушка-батюшка, айда с нами жить!” — и кошку пускашь впирёд. Патом уж заходишь и пикёшь хлеб, вот уж эта начинашь пиръходить жить» [БВЕ, с. Б. Шуватово; СЕВ Ф2003-34]. «Ну, говорят, что дом близ домового ни быват. <...> Например, у миня сын пириизжал туда на кардон-та, надо домового пригласить туда с собой, <...> сказать: “Айда вот в тот дом, храни моих детей”. Я вот, например, так сказала, когда провожала детей: “Дедушка домовой, айда, в тот дом, храни моих детей”. Я туда пришла, дверь как открыла, первой зашла с кошкой в руках и буханка хлеба, соль. Зашла и тоже говорю: “Вот оставайся типерь здесь, храни моих детей!”» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-13].

В рассказах и поверьях, в которых домовой выступает в роли предвестника (см. еще *Гадания*), к дедушке могут обращаться со специальным вопросом: «К худу или к добру?» Эта формула довольно устойчива. Вариативны в основном обращения к домовому (в зависимости от того, как называют в том или ином селе дедушку). «Вроди, душит, гаварят, он [=домовой]. Гаварят, спрашивают яво все: “Дедушка дамавой, к добру или к худу?” Если, скажим, к худу, он грит: “К х-х-х... К х-х-х...” — вот так вот. Я слыхала: крестьяна была, мая тётка, иё душил, ана рассказывала. Ана спрасила яво, грит: “К х-х-х... К х-х-х...” — и ана тада, ана тоже маленна была, и муж был пасломщик. Вот церквя кагда стали тут всё ламать-то, у ней иё мужа забрали и увязли...» [ЕНФ, с. Б. Шуватово; СЕВ Ф2003-34].

В большинстве записанных текстов домовой предвещает несчастье. Ответ «К худу!» произносится либо отчетливо, либо распознается человеком в фырчании, ухании и т.п. Ответ «К добру!» связывается или с молчанием домового, или также с отчетливым ответом дедушки.

Еще одна ситуация взаимодействия домового и человека может быть обусловлена желанием последнего «вызвать» дедушку, тем или иным образом спровоцировать его появление. К известным способам вызывания относится манипуляция с карандашами, посредством которых узнается предсказание от дедушки. «Карандаши, вот сколь уж забыла — три, читыре ли карандаша <...> слаживали и, значит, дедушку-бреходушку звали: “Дедушка-бреходушка, приходи к нам!” И вот этыт браходушка будта бы приходил, и всё расскажит, што должно быть. Гаварят вот эта, но я ни пыталась сама, ни знай, но гаварят. <...> Дёржишь их в руке и вот их слаживайшь, и вот кагда их дёржишь и дедушку-бреходушку просиши: “Дедушка-бреходушка, приходи к нам ворди в гости и вот нам расскажи эта...” — там чаво

ты загадаишь ли, как ли, — и вот будта он приходит. Ну, там приходит — видят ли яво, ни видят ли, а вроди кто-та бант [=говорит]» [КАН, КВН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-13Ульян.].

В с. Княжуха встретился довольно редкий вариант: дедушку вызывали особым приговором, в котором упоминается другой, тесно связанный с домовым персонаж быличек и поверий — полевой. «Вот я была дивчонкой, мы с адной, — нас научили двух дурачик: “Вы, — гаварит, — эта вот в абед, в двянацать часов, скажите, грит, “дамавой-дамавой, умир палявой!” и вы, гварит, услышите стон”. Ну, и правда: мы с ней эдак-ту сидели две дома: “Дамавой-дамавой, умир палявой! Дамавой-дамавой, умир палявой!” — три раза эдак сказали. И вот стон: “Э-э-э!” — эх, мы из избы-та убигли — напугались (мы дивчонками были), мол, и убигли. Вот таки дяла» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-16].

Е.В. Сафонов

ДРАЗНИТЬ

Дразнение (*ругать*), одна из форм игрового поведения (см. *Подику-нивать*, *Шутить*, *Озорство*), состоящая в намеренном оглашении каких-либо характеристик индивида или группы, иногда утрированных и даже гротесково-преувеличенных или представленных в том или ином комическом контексте. Игровая сущность дразнения раскрывается и на терминологическом уровне: для названия этого действия часто употребляли те же слова, что и для обозначения подщечивания и насмешки. «Ну, “дразнить”, эта тожи ведь, вот если сердица он сирёзна чево-та, тоже дразнить — падскрыливать. Дразнить — эта к этаму жи аносицца. “Чево ана падскрыливаит? Чево дразнит ана?” — вот ругались кагда. К сердцу как-та. “Чево ана миня дразнит, падскрыливаит нада мной?”» [КЛИ, с. Утескова; СИС Ф2009-23Ульян., № 10].

Основные функции дразнения — высмеивание (добродушное или злое) соперников и более низких по статусу лиц с целью продемонстрировать свое интеллектуальное превосходство или изменить их поведение на желаемое, провоцирование соревнования или силового противоборства, заигрывание, проявление симпатии. В целом при помощи поддразнивания можно выразить всю гамму человеческих чувств от любви до ненависти. В этом смысле оно сближается с насмешками над представителями противоположной партии в свадебном обряде (см. *За веником ходить*, *Невесту продавать*, *Свадьба*, *Ярку искать*) или взаимными поддевками девушек и парней-соперников в ходе частушечного перепева (см. *Играть в кельях*, *Приневать*).

Наиболее известны верbalные формы дразнения, которые могут варьироваться от презрительно-насмешливых кличек и кратких формульных приговоров и припевок до развернутых текстов в раешном стиле или песен-